Библиотека Томского Университета

Иллюстрированное приложеніе къ газетѣ

Къ № 56.

Сибирская Жизнь

Къ № 56.

Въ воскресенье, 12-го марта 1906 года.

Синли.

(Изъ жизни въ Манчжуріи во время постройки К.-В. ж. д.).

Жаркій лѣтній день. Сухо и пыльно. Синли уже подходитъ къ городу. Онъ едва передвигаетъ ноги: ему сегодня пришлось отшагать верстъ 50... А тутъ еще такая жарища! Солнце такъ и палитъ... А эта постель! всѣ плечи оттянула..—съ такими мыслями шагалъ онъ усталый. Но вотъ и городъ. Улицы узкія, пыльныя.—Фанзы такія же какъ и въ деревнѣ.. Или это еще только съ краю?—спрашивалъ себя Синли. Онъ сталъ присматриваться и глаза его перебѣгали съ фанзы на фанзу. Вдругъ они у него оживились, остановясь на большой фанзѣ, на которой на длинной палкѣ висѣли небольшіе обручи, обклеенные красной бумагой, изрѣзанной на ленточки,—это была харчевня. Обрадованный, онъ пошелъ прямо къ ней. У ея дверей стоялъ старый китаецъ.

— Чефанъ, лое*)—сказалъ ему Синли.

— Чефанъ, чефанъ—отвѣчалъ тотъ.

— Что, дѣдушка, можно будетъ здѣсь переночевать?

— Можно, можно... заходи...—и старикъ отворилъ ему дверь. Синли вошелъ. Тамъ было чисто, хорошо. Прямо отъ дверей, проходъ, а по обѣимъ сторонамъ его устроенъ канъ (теплыя нары), покрытый новой циновкой. На немъ стояли маленькіе, чистенькіе столики, окрашенные въ красный цвѣтъ. На стѣнахъ висѣли большія картины: вонъ, два богатыря дерутся огромными ятаганами, а тамъ другая—роща и въ рощѣ нѣсколько фанзъ... „какъ красиво!"... а тутъ—фанзы, фанзы... а рядомъ съ ними рѣка, а на рѣкѣ, въ лодкѣ катаются женщины, онѣ сидятъ подъ зонтиками, а нѣкоторыя съ вѣерами...

Пробѣжавъ все это робкимъ взглядомъ и восхищаясь про себя, Синли присѣлъ на канъ, снялъ осторожно постель изъ-за плечъ, точно боясь чего нибудь не столкнуть, и, вытащивъ изъ за пояса длинный кожанный кисетъ, трубку съ длиннымъ мундштукомъ и янтарнымъ наконечникомъ, закурилъ, не переставая разсматривать фанзу. Вотъ взглядъ его упалъ на окно, рама котораго была поднята; тамъ, за окномъ у фанзы, огородъ; возлѣ самого окна цвѣли цвѣты: красные, синіе, желтые... дальше: макъ красный, махровый—такъ и алѣетъ... а тамъ горохъ, бобы...

Выкуривъ трубку, Синли выколотилъ изъ нея пепелъ, засунулъ ее обратно въ кисетъ и, забравшись подальше на канъ, сѣлъ къ столику, сложивъ подъ себя ноги. Потомъ онъ попросилъ себѣ поѣсть. Ему подали чашку лапши, сои, чесноку и двѣ палочки, замѣняющія вилки. Онъ съ жадностью накинулся на ѣду. Взявъ въ одну руку чашку, въ другую палочки и поднеся чашку ко рту, онъ сталъ туда быстро направлять лапшу; только и слышалось одно флле,—когда онъ губами тянулъ длинныя, длинныя нитки лапши. Время отъ времени онъ бралъ палочками зубки чесноку, макалъ ихъ въ сою и направлялъ въ ротъ, пережевывая съ какимъ то сладострастнымъ удовольствіемъ. Направивъ такимъ образомъ въ свой желудокъ нѣсколько чашекъ лапши, да нѣсколько головокъ чесноку, Синли почувствовалъ себя бодрѣе, всталъ съ кана и, захватя съ собою кисетъ, вышелъ на улицу. Тамъ онъ сѣлъ къ стѣнѣ на корточки и закурилъ трубку. Старикъ все еще стоялъ тутъ-же у фанзы. Синли и ему предложилъ: Закуривайте, дѣдушка.

— Да давай, молодецъ, закурю,—и старикъ, взявъ у Синли кисетъ и зачерпнувъ изъ него трубкой табаку, закурилъ.

— Далеко-ли держишь путь?—обратился онъ къ Синли.

— Работы искать иду... Я слышалъ, что здѣсь русскіе ведутъ какую-то дорогу, по которой ѣздятъ большія, огненныя телѣги *) безъ всякихъ лошадей, и что будто-бы для этихъ телѣгъ насыпаютъ большія насыпи, прорываютъ горы... такъ что работы много.

*) Чефанъ—это обычное китайское привѣтствіе. Собственно, по-русски это будетъ—кушалъ-ли? лое—старый господинъ.

— Да, это вѣрно, работы здѣсь много... а если и не здѣсь, то сюда часто пріѣзжаютъ подрядчики нанимать рабочихъ. Вотъ сейчасъ у насъ остановился одинъ; онъ пріѣхалъ верстъ за двѣсти отсюда дѣлать наемку. Сейчасъ онъ ушелъ въ городъ, подыскивать людей, а вотъ вечеромъ вернется, ты къ нему и обратись.

А. П. Щаповъ.

На дворѣ уже стало темнѣть. На небѣ появилась одна звѣздочка, блѣдная, чуть мерцающая: дневной свѣтъ еще былъ сильнѣе ея; потомъ другая, потомъ третья и т. д. и т. д., и усыпали они собою темное небо и разгорались ярче и ярче. Въ фанзахъ засвѣтились огни и въ ночной темнотѣ мерцали они, сквозь промасленную брмагу **), какъ то таинственно. Собачій лай сталъ выдѣляться особенно: все притихло, прислушивалось.

Синли очнулся отъ задумчивости и кашлянулъ; и этотъ кашель въ ночной тишинѣ раздался также громко и отчетливо:

Зимняя гужевая перевозка грузовъ отъ Семипалатинска до станцій Обь и Омскъ.

кха!—отдалось гдѣ то въ крышахъ фанзъ. Ему вспомнилась своя деревня, вспомнилось, какъ провожали его, что говорили о чудовищной дорогѣ, и онъ, посмотрѣвъ въ сторону старика, гдѣ въ темнотѣ свѣтился огонекъ его трубки, спросилъ:

— А что, правда, дѣдушка, то, что говорятъ: будто-бы, огненныя телѣги ходятъ человѣчьимъ саломъ?

— Не знаю... молодецъ,—отвѣтилъ тотъ въ раздумьѣ,—раньше говорили, что правда, но я самъ не видалъ этого... А что чудныя онѣ, необыкновенныя, то въ этомъ то я убѣдился: одна огненная телѣга подхватитъ за собою штукъ двадцать, тридцать большихъ телѣгъ, да такъ быстро и бѣжитъ съ ними!..

*) По-китайски паровозъ называется хо-чэ: хо—огонь и чэ—телѣга, отсюда получается въ буквальномъ переводѣ—огненная телѣга.

**) Въ китайскихъ фанзахъ для оконъ, вмѣсто стеколъ, употребляется промасленная бумага.

Въ темнотѣ ужъ слишкомъ страшныя онѣ... Давно ночью, когда я еще не видѣлъ ихъ, шли мы по полотну дороги, вдругъ изъ темноты выскакиваетъ это чудовище и летитъ прямо на насъ, глаза большіе, такъ и горятъ, у ней ихъ три; два по бокамъ и одинъ во-лбу, шипитъ, гудитъ, грохочетъ и все ближе и ближе, а сама такъ и пышетъ и пышетъ огнемъ... Я испугался, стою весь, трясусь, морозъ по-за-кожей пошелъ, думаю: вотъ, вотъ набѣжитъ на насъ схватитъ и пожретъ, а она мелькнула мимо насъ и скрылась опять въ темнотѣ...

Въ это время въ фанзу прошелъ человѣкъ. Старикъ, перемѣняя тонъ, проговорилъ:

— Иди, это подрядчикъ пришелъ.

* * *

На другой день утромъ рано Синли стоялъ съ другими рабочими у вокзала и ждалъ отъѣзда поѣзда. Ихъ подрядчикъ отправлялъ сразу сто пятьдесятъ человѣкъ. На вокзалѣ, кромѣ нихъ, было очень много народу.

Вотъ подали составъ платформъ и велѣли садиться. Всѣ кинулись вразъ, толкая и сбивая съ ногъ другъ друга,—каждому хотѣлось попасть на этотъ поѣздъ. Синли тоже бросился со своею котомкой, но его отжали отъ платформы и онъ ни какъ не могъ пробраться впередъ. Кондукторъ подалъ уже третій свистокъ, паровозъ откликнулся и медленно тронулъ, тронулся за нимъ первый вагонъ, второй, третій и т. д. Синли со своей котомкой бѣжалъ за поѣздомъ и старался закинуть ее на платформу. Вотъ у него ее оттуда кто-то принялъ, потомъ онъ и самъ прицѣпился за бортъ и его то-же подхватили за руки и затащили наверхъ. Поѣздъ уже разошелся и вагоны, пощелкивая на стыкахъ рельсъ, быстро катились. Все мимо нихъ мелькало: и трава, и столбы, и кустики, и отдѣльныя фанзы съ тополями... а поѣздъ несся и несся...

Синли охватило какое то странное чувство не то радости, не то робости за что-то, чего онъ и самъ не понималъ. Сердце билось усиленно, въ головѣ какъ то все кружилось...

— Сыбайсы!*)—вдругъ раздалось въ его ушахъ. Синли очнулся, и, взглянувъ въ ту сторону, откуда послышался этотъ возгласъ, увидѣлъ русскаго „капитана", **) который, шагая между рабочими, требовалъ отъ нихъ денегъ. Синли это удивило и онъ, обращаясь къ сосѣду, спросилъ: Что это такое, требуютъ какія-то деньги?.. Мнѣ подрядчикъ говорилъ, что на проѣздъ у него билеты, поэтому платить ничего не нужно...

— Но, братъ, это ничего не значитъ,—сказалъ тотъ ему въ отвѣтъ—,это всегда такъ бываетъ, билеты билетомъ, а двугривенный всегда отдай этимъ обираламъ.

— Сыбайсы!—выкрикивалъ кондукторъ. Вотъ онъ подошелъ къ Синли и, протягивая руку, говоритъ: „сыбайсы". Синли замѣшкался. Кондукторъ, не долго думая, размахнулся и шлепнулъ его со всего размаха по лицу, приговаривая:, „Шевелись, ушканъ!" Синли оробѣлъ и, доставъ 20 к., подалъ ихъ кондуктору, а тотъ, получивъ, пошелъ дальше, выкрикивая: „сыбайсы!"...

Вотъ онъ остановился возлѣ одного китайца старика, который, ставъ на колѣни и вытягивая впередъ руки, кланялся ему, съ трудомъ выговаривая и коверкая русскія слова: „капитана, моя нѣту, моя мыю"!***) Кондукторъ кричалъ, топалъ ногами, потомъ накинулся на него и сталъ бить. Старикъ плакалъ и все продолжалъ кланяться причитывая: „капита-а-ан-а, м-моя н-нѣ-ѣту, моя мы-мыю..." Но кондукторъ расходился! Схватилъ его котомку и швырнулъ ее съ платформы, потомъ уцѣпился старику за косу и потащилъ его къ краю. Старикъ кричалъ, молилъ, а тотъ только бранился и, подведя его къ борту, толкнулъ пинкомъ въ бокъ,.. Мелькнулъ старикъ въ воздухѣ и, упавъ подъ откосъ, покатился внизъ. Всѣ молчали. Синли вздрагивалъ. Онъ взглянулъ за бортъ: далеко за поѣздомъ барахталось что то черное, чуть замѣтное...

* * *

Черезъ два дня они прибыли на мѣсто работъ.

— Вотъ и Шанхэ—проговорилъ кто-то изъ рабочихъ.

Кругомъ подымались высокія—высокія горы, заросшія густымъ хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ, а въ долинѣ, у подножія одной изъ нихъ пріютилась станція, утопая въ столѣтнихъ деревьяхъ. Постройка чуть выглядывала между огромныхъ стволовъ кедра, ясеня и тополя. И вся станція казалась скромной и ничтожной противъ этихъ окружающихъ ее и громоздящихся горъ.

Было глухо и тихо, только тамъ, высоко на вершинахъ, шумѣлъ вѣтвями деревьевъ вѣтерокъ.

Синли слѣзъ съ поѣзда и направился съ другими рабочими къ фанзѣ, которую имъ указалъ встрѣчавшій ихъ старшинка.

На третій день они уже таскали корзинками землю на насыпь.

* * *

Прошло четыре недѣли. Была темная, тихая ночь. Въ фанзѣ, гдѣ жилъ Синли, всѣ рабочіе послѣ работы, поужинавъ, отдыхали и еще никто не спалъ. Кое-кто играли въ карты, кое-кто въ кости, а то просто такъ сидѣли и курили. Вдругъ на улицѣ послышался какой то шумъ и разговоръ, и въ этотъ-же моментъ въ фанзу зашелъ китаецъ съ ружьемъ въ рукахъ, подпоясанный широкимъ поясомъ, въ которомъ кругомъ торчали патроны, на боку висѣла сабля. Всѣ вздрогнули.

— Хунхуза...—кто-то проговорилъ тихо. Синли поблѣднѣлъ.

— Не бойтесь—сказалъ вошедшій:—васъ не тронемъ, если только вы сами не полѣзете... Тащите сейчасъ сюда муку, пшено... все что есть...

*) Сорокъ четыре—это китайская монета, равняется 22 к. на русскій счетъ. Обыкновенно она ходитъ за двадцать копѣекъ. „Сыбайсы" можно понимать какъ—„двугривенный".

**) Въ Манчжуріи китайцы каждаго желѣзнодорожн. служащаго называютъ „капитана".

***) Мыю—нѣтъ. „Моя" вмѣсто у меня.

Никто не шевелился. Въ фанзу еще вошли пятеро, тоже вооруженные.—Ну что?—спросилъ кто-то изъ нихъ.

— Да вотъ сидятъ и не трогаются,—отвѣтилъ первый.

— Э, да что смотрѣть на нихъ—послышался тотъ-же голосъ, который спрашивалъ. Сами будемъ брать...—И здоровенный дѣтина, подойдя къ кану, полѣзъ на него, гдѣ въ углу стояли мѣшки съ мукой, пшеномъ и проч. Онъ ихъ началъ сталкивать на полъ, нѣкоторые изъ вошедшихъ ему помогали. Стащивъ все съ кана, они приступили къ распредѣленію, кому что нести. Но одинъ изъ нихъ, стоявшій все время и только подававшій совѣты, пошелъ въ глубь фанзы, гдѣ, притихнувъ, сидѣли рабочіе. Одѣтъ онъ былъ въ ватную куртку, покрытую синимъ шелкомъ, шелкъ во многихъ мѣстахъ протерся и изъ-подъ него торчала вата. Этотъ человѣкъ былъ вожакъ шайки.

— Не желаетъ ли кто помѣняться куртками?—сказалъ онъ, обращаясь къ рабочимъ.

Всѣ молчали и пугливо переглядывались между собой.

— А!.. вотъ... мы съ тобой помѣняемся—обратился онъ къ молодому рабочему Люфанге, щупая его куртку, которую онъ недавно получилъ изъ склада подрядчика.

— Ну-ка, ты... снимай,—взялся онъ за рукавъ.

Рабочій не трогался.

— Да ну-же!—прикрикнулъ онъ на него.

Тотъ все не шевелился.

— Снима-ай тебѣ... говорятъ,—заговорилъ съ разстановкой вожакъ шайки и началъ насильно стаскивать куртку съ Люфанге.

— Не дамъ!—какъ то неестественно закричалъ онъ.—Въ чемъ я буду ходить какъ осень придетъ?!. Послѣднюю одежду мою отбираешь!..—Съ дрожью въ голосѣ причитывалъ онъ. И, уцѣпясь крѣпко въ куртку, не выпускалъ ее изъ рукъ. Рабочіе сидѣли и боялись пошевелиться. Хунхузы-же, забравъ всѣ мѣшки, давно уже вышли, изъ фанзы. Но тамъ, не дождавшись вожака, послали за нимъ одного. Тотъ, дойдя до дверей, позвалъ:

— Скорѣй! тамъ дожидаютъ тебя.

Тогда этотъ рванулъ съ силой куртку и, вырвавъ ее у Люфанге, побѣжалъ къ дверямъ. Люфанге погнался за нимъ и, схвативъ его за плечо, остановилъ, не давая уходить и стараясь схватить куртку. Тотъ, увидя, что ему не вырваться, вдругъ обернулся и, выхватя изъ-за пояса ножъ, полоснулъ имъ въ животъ Люфанге.

— Ай! Ай!—вдругъ закричали всѣ. Синли, какъ обожженный, схватился съ мѣста и бросился за хунхузомъ, а тотъ, вырвавшись, выбѣжалъ изъ фанзы, Синли за нимъ. Хунхузы кинулись въ разныя стороны убѣгать и скрылись тутъ-же въ лѣсу. Синли не отставалъ отъ вожака и бѣжалъ за нимъ по долинѣ, путаясь между деревьевъ. У него въ глазахъ стоялъ блѣдный Люфанге, растянувшійся на полу съ темной густой кровью на животѣ. И онъ, задыхающійся, взволнованный, бѣжалъ и бѣжалъ...

Во всѣхъ фанзахъ рабочіе, услыша шумъ, pососкакивали и повыбѣгали на улицу Узнавъ въ чемъ дѣло, подняли крикъ; нѣкоторые тоже пустились въ погоню. На крикъ и шумъ появились русскіе солдаты желѣзнодорожные охранники.

— Что у васъ тутъ такое?—спрашиваютъ они.

— Хунхуза люди кантама*)—объясняютъ китайцы.

— Гдѣ?! какого люда?! Гдѣ хунхуза?—засыпали ихъ вопросами.

— Падема, падема**)—и одинъ рабочій, взявъ солдата за рукавъ, повелъ его въ фанзу. Тотъ, увидя зарѣзаннаго, закричалъ: „ребята! тутъ убили китайца и хунхузы были!.. догонять надо, бѣжимте скорѣй!.. Куда они убѣжали?..

— Туда ходи, туда ходи***)—показывали рабочіе въ ту сторону, куда побѣжалъ Синли за вожакомъ.

Солдаты кинулись по долинѣ.

Долго бѣжалъ Синли за хунхузомъ, но, благодаря ночи и густотѣ деревьевъ, совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Вотъ онъ, запыхавшійся, остановился и сталъ думать: „Куда-же я побѣгу? Ночь... темнота... Придется вернуться!“ Съ этими мыслями онъ повернулъ обратно и, пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ увидѣлъ человѣка, который шелъ прямо на него. Синли остановился. Тотъ, повидимому, его сперва не замѣтилъ и продолжалъ итти, но, подойдя ближе, какъ-то дико закричалъ:

*) „Кантама“ китайцы употребляютъ вмѣсто: убилъ и ударилъ.

**) Пойдемъ, пойдемъ.

***) Туда ушелъ, туда ушелъ.

— Ребята! сюда, сюда! вотъ онъ...—И Синли, не успѣвшій опомниться, былъ уже окруженъ солдатами. Его схватили. Кто-то больно потянулъ за косу.

— Дубининъ, смотри, кабы ножа въ рукахъ у него не было-бы.

— Нѣтъ, да у него ужъ нѣтъ ничего...—заговорилъ небольшой солдатъ—вотъ сволочь!.. ужъ успѣлъ все побросать... Ишь тварь какая...—ворчалъ онъ, ощупывая Синли.

Синли остолбенѣлъ.

Народину съ Дальняго Востока. Въ ожиданіи поѣзда въ баракѣ—ночью.

— Ваша чиво?! ваша чиво?—заговорилъ онъ робкимъ голосомъ.

— Чо, чиво!—произнесъ широкоплечій солдатъ и сунулъ его въ грудь прикладомъ... Хунхуза,—добавилъ онъ.

— Кака хунхуза?.. Моя мыю хунхуза, моя работа! *)—забормоталъ сквозь слезы Синли. Онъ понялъ, что его приняли за хунхуза и, испугавшись, не зналъ, что дѣлать: разсказать онъ ничего не могъ, такъ какъ говорить по-русски не умѣлъ, да солдаты и слушать его не будутъ.

КИТАЙ ПРОСЫПАЕТСЯ!

На послѣднихъ китайскихъ маневрахъ. Солдаты одѣты уже въ европейскія платья, но традиціонныя косы еще остаются. Впрочемъ, китайцы, служащіе дипломатическими агентами въ государствахъ Запада, получили разрѣшеніе срѣзать и это украшеніе сыновъ „Небесной Имперіи“.

— Вы всѣ тутъ рабочіе—заговорилъ грозно солдатъ—на день спрячешь оружіе въ лѣсу и говоришь: „моя работа“, а какъ ночь придетъ за оружіе... и пошелъ по фанзамъ...

— Да чо тамъ съ нимъ говорить, вяжи его...

— Шлёпни его хорошенько въ рыло, вотъ и замолчитъ—заговорили солдаты,— и скрутивъ Синля руки, повели на станцію, къ коменданту. Онъ шелъ молча, думая, какъ же доказать ему свою невинность? Рабочіе?..—имъ русскій „капитана“ не повѣритъ. Подрядчикъ?—этотъ будетъ даже радъ, если его посадятъ или отправятъ куда-нибудь: сейчасъ у него есть заработокъ за нимъ, поэтому-то подрядчику лучше будетъ—заработокъ останется ему... Переводчикъ?—онъ съѣсть готовъ каждаго китайца, даромъ, что самъ китаецъ... Какъ-же быть? какъ-же быть?—думалъ онъ и не находилъ отвѣта.

Вышелъ комендантъ. Лицо у него опухшее, волосы всклокочены, говоритъ безсвязно, косвѣющимся языкомъ: „хунхуза?.. гдѣ?.. А... ты.. ты... я тебѣ... нарушать и грабить...—И при этомъ словѣ бьетъ Синля по лицу со всего размаха.

*) Я не хунхузъ, я рабочій.

Синли заплакалъ и упалъ на колѣни..

— Посадить его... завтра... переводчика.. утромъ... понимаешь?..

— Такъ точно, ваше бла-родіе,—отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

Синли повели и посадили въ каталашку. Утромъ его опять привели къ коменданту на допросъ. Тамъ уже сидѣлъ переводчикъ. Онъ, зло посмотрѣвъ на Синли, проговорилъ:

— Признавайся, ты зарѣзалъ рабочаго или твои товарищи?

Синли вздрогнулъ, и блѣдный, со слезами на глазахъ, быстро, быстро заговорилъ. Онъ разсказалъ, какъ было дѣло, какъ погнался за хунхузомъ и какъ онъ встрѣтился съ солдатами, а тѣ его самого приняли за хунхуза...

— Спросите у рабочихъ, они меня всѣ знаютъ—добавилъ онъ.

— Что рабочіе!—закричалъ переводчикъ—они васъ злодѣевъ боятся и никогда не скажутъ на васъ, всегда будутъ заступаться, какъ за рабочаго... Знаю я, братъ, васъ... Ты лучше говори правду!..—повысилъ онъ голосъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ комендантъ.

— Да что! какъ ловко вретъ гадина: говоритъ, что онъ погнался за хунхузомъ и ужъ когда вернулся, его схватили солдаты... и не признается, говоритъ: я рабочій...

— Пытать надо,—произнесъ комендантъ лаконически.

Синли, видя, что заговорилъ офицеръ, упалъ передъ нимъ на колѣни и, кланяясь, сталъ причитать сквозь слезы: „капитана, моя работа, моя работа*).

— Признавайся!—грозно закричалъ переводчикъ,—а то бить будемъ...

— Въ чемъ я буду признаваться? я ничего не знаю.. хоть спросите у подрядчика—такъ же сквозь слезы продолжалъ приговаривать Синли.

*) Я рабочій, я рабочій.

— У подрядчика! сильно вы ему нужны, чтобы васъ всѣхъ знать... да что съ тобой разговаривать!

— Не признается—обратился онъ къ коменданту.

— Ведите его за казарму—приказалъ тотъ стоявшимъ тутъ-же солдатамъ,—да захватите у казаковъ нагайки.

Синли повели. Его разложили и начали бить. Били долго, иногда останавливались, и тогда переводчикъ обращался къ нему съ вопросомъ: „признаешься? разскажешь гдѣ ваша шайка?“ Но онъ ничего не отвѣчалъ, а только кричалъ и кричалъ; сперва сильно, а потомъ съ каждымъ разомъ слабѣй и слабѣй: „ка-пит-а а-ана, капита-а-ана“. И наконецъ совсѣмъ пересталъ кричать, а только хрипѣлъ.

Камендантъ, вспомнивъ, что его навѣрное ужъ давно ожидаетъ начальникъ дистанціи, съ которымъ они вчера такъ „хорошо“ провели ночь, проговорилъ: „Да что съ нимъ возиться! все равно не скажетъ, они всегда такъ... Вы съ нимъ тутъ тово.. ребята, устройтесь“ обратился онъ къ взводному Антонову, и самъ, повернувшись, позвалъ переводчика: „пойдемте!“..

— Какъ это устроиться?—спросилъ у Антонова недавно пріѣхавшій солдатъ.

— Да какъ!.. разстрѣлять... чо больше:

— Да, вонъ какъ тутъ съ имя: скоро...

— Ну кто пойдетъ, ребята?—обратился Антоновъ.

— Я пойду—сказалъ Дубининъ,—Кугукъ, вонъ пойдетъ... Марко пойдетъ...

— Трое, и достаточно—распоряжался взводный.

— Вставай!—подошелъ къ Синли широкоплечій Кугукъ и пнулъ его ногой.

Синли только что очнулся, онъ ничего не чувствовалъ: тѣло его одеревенѣло и онъ съ трудомъ поднялся на ноги.

— Ну иди-же!—подтолкнулъ его Дубининъ. Синли пошелъ, пошатываясь. Солдаты тронулись за нимъ.

— Куда мы его поведемъ?—спросилъ Марко, низенькій коренастый солдатъ.

— Вотъ, въ первый распадокъ—отвѣчалъ Кугукъ. Синли не думалъ, куда его ведутъ и зачѣмъ: голова его кружилась, все ему представлялось не ясно, смутно и шелъ онъ совсѣмъ безотчетно. Они уже поднялись высоко по распадку; онъ чувствуетъ, что его ставятъ къ дереву и думаетъ, что навѣрное остановились отдыхать... Но зачѣмъ же солдаты отходятъ?—спрашиваетъ онъ себя, хотя ему безразлично, голова его отяжелѣла и онъ, прислонивъ затылокъ къ дереву, зажмуриваетъ глаза. Но вотъ онъ ихъ открылъ и... замеръ: солдаты цѣлились въ него. А—а!.. прокричалъ онъ и затихъ. Онъ только что сейчасъ понялъ зачѣмъ его вели и отчаяно было рванулся..

Въ этотъ моментъ раздался сухой трескъ. И онъ какъ-то безпомощно сунулся на землю и сталъ хвататься за траву и царапать землю руками...

— Охъ, смотри-ка, онъ еще живой, какъ онъ бьется... Надо еще стрѣлять—говоритъ Марко, подойдя къ Синли.

И, ставъ въ рядъ, солдаты опять стрѣляли.

— Мама! мама!-прокричалъ Синли послѣ этого выстрѣла и замолкъ, только руками продолжалъ хвататься за траву и страшно выпячивалъ грудь...

Солдаты опять стрѣляли, пока онъ не пересталъ биться.

— Какой живучій—говорилъ Дубининъ—съ 30 пуль едва прикончили...

— А какъ онъ жалобно кричалъ!—добавилъ Марко.

Герасимъ Шпилевъ.

Библіографія.

Д. Е. Лаппо. Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ (Минусинскіе татары. Стр. 57. Красноярскъ, 1905 г.)

Брошюра извѣстнаго знатока обычнаго права сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ, Д. Е. Лаппо, издана по постановленію красноярскаго подъотдѣла географическаго общества. Несмотря на свой небольшой объемъ, она представляетъ хорошее добавленіе къ ограниченной литературѣ по сибирскому обычному праву, къ работамъ гг. Кострова, Козлова и Маковецкаго и извѣстному сборнику Самохвалова. Составленная на основаніи близкаго личнаго знакомства съ особенностями степного права, съ судебно-бытовымъ матеріаломъ, работа г. Лаппо даетъ яркую картину цѣлаго ряда тяжелыхъ правовыхъ условій, въ которыхъ живутъ кочевые инородцы. Смѣшеніе нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, невыработанность послѣдняго, сохранившіеся въ судебныхъ пріемахъ переживанія-образуютъ массу „дикостей и жестокостей“, которыя законно практикуетъ инородческая „Словесная Расправа“. Эти „дикости“ усугубляются тѣмъ, что самое понятіе преступнаго и заслуживающаго кары въ обычномъ правѣ почти не опредѣлено.—Книжка заслуживаетъ большого вниманія юристовъ не только практиковъ, но и теретиковъ, и при переработкѣ будущаго уголовнаго кодекса указанія ея должны быть приняты во вниманіе. Н. Р.

Редакторы-издатели: Соболевъ. Малиновскій.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина въ Томскѣ.